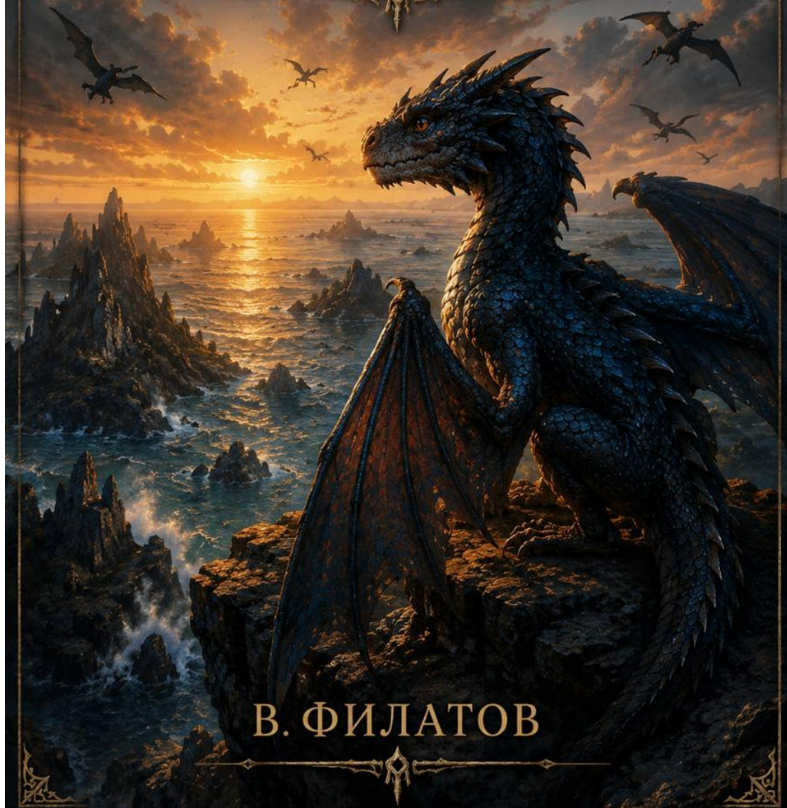

ВОСПОМИНАНИЯ ДРАКОНЁНКА

В. ФИЛАТОВ

В Филатов

Воспоминания драконенка

<https://litres.ru/74020241>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я помню своё рождение. Помню бегство через пылающее небо, смерть и страх, запах крови и гаргулий, пожиривших всё живое. Я родился драконом в мире, где каждый день был борьбой за выживание.

Пока другие жили памятью предков, я искал новые пути. Из беспомощного драконёнка я превратился в воина, затем в вожака, а потом — в того, кто изменил судьбу целого народа. Вместе с братьями мне предстояло остановить нашествие ненасытных крылатых хищников, вернуть драконам утраченные земли и узнать тайны мира, который оказался гораздо древнее и загадочнее, чем казалось.

«Воспоминания драконёнка» — это история взросления, войны и надежды, рассказанная от лица дракона, который сохранил способность задавать вопросы там, где остальные привыкли следовать памяти прошлого.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

В Филатов

Воспоминания драконенка

Глава

Воспоминания дракончика

Я помню, как он перетащил меня сквозь пустоту — из одной вселенной в другую. Я не понимал, что происходит. Накатило чувство холода, безнадёги, липкой пустоты. И чьи-то жадные взгляды из темноты.

Потом я оказался во второй вселенной. И тут же меня во что-то воткнули. Не знаю, кого я вытеснил или должен ли был родиться сам. Скорее всего — второе. Мать рожала двоих-троих, а боги и служители обычно никого из тела не выгоняют. Я помню, как бился головой, пока наконец не проломил что-то и не вылез на свет — где увидел огромную зубастую морду. Что-то внутри сказала: это мама.

А потом я увидел двоих таких же, как я. Чешуйчатых, с мягкой ещё чешуёй, маленьких и забавных, с зачатками крыльев. Мама-дракон держала нас всех вместе.

Но потом мы убежали. Мать держала меня в зубах, а в передних лапах — братишку и сестрёнку. Отбиваться она не могла: за нами летели горгулии. Так их называли. Грязные

вонючие птицы, выжигавшие одно гнездо за другим. Они по-едали всё — вплоть до травы. Откуда они взялись — непонятно.

Мать хотела перехватить меня лапой, чтобы держать нас двоих, но не вышло. Она уронила братика, поймала меня и дала огромный огненный залп. Поджарила двух или трёх, но их было больше дюжины. Они кусали её, цеплялись за хвост, пара отвлекала сверху, а снизу кто-то рвал мягкий живот. Я видел, как она теряет силы и кровь.

А потом одна из птиц снова пошла в атаку на мягкое брюхо, уже покрытое ранами. Я впервые в жизни выдохнул огонь — прямо ей в морду. Птица заорала, мать резко нагнулась. Хруст — и птицы нет. Остальные чуть отступили: видно, заметили двух взрослых, летевших на перехват. Мы оказались в новом гнезде — я с сестрёнкой среди многих других дракончиков, кто старше, кто младше.

Одна большая дракониха ходила между нами, отталкивала лезущих под ноги и говорила, говорила, говорила. Она говорила мысленно — для дракончиков это был почти крик, зато никто не мог сказать, что не слышал. Иногда она рычала, и эти слова воспринимались уже иначе. Она учила, рассказывала, давала первичные знания.

Она говорила, что со временем наша врождённая память вернётся: мы вспомним прошлые жизни и всю летопись драконов, и само появление мира. Рассказывала, как вести себя со взрослыми, как относиться друг к другу, как держать-

ся рядом с тем, кто учится летать. Но главное — не подходить к краю, потому что за краем пропасть, а внизу падальщики. Они подбирали либо глупых дракончиков, выпавших из гнезда, либо старых взрослых драконов, которые под конец жизни не удержались на крыльях.

Взрослые рыскали в поисках еды, другие патрулировали, отгоняя горгулий подальше. Но возвращались часто израненными. Регенерация у драконов хорошая, однако крыло не восстанавливается мгновенно — приходилось оставаться в гнезде, пока летали другие. И возвращались не все. Я слышал, как взрослые переговаривались: это гнездо тоже скоро придётся покинуть. Горгулии сильно размножились, где-то здесь рыщет больше сотни особей. Как только они сожрут всё — снова двинутся на нас. Как делали раньше.

Вонючие птицы снова нашли нас. И снова мы убегали. Большинство самок схватило дракончиков — кто по двое, кто по трое. Нас прикрывали подростки и взрослые самцы. Оторвались не от всех, но оторвались. Новое гнездо оказалось ещё больше прежнего. Те же предупреждения, те же падальщики внизу.

Я подошёл к новой наставнице.— А эти вонючие птицы — они что, и падальщиков тоже жрут?— Да, — сказала она.— Жрут всё подряд, но падальщики об этом не знают. Поэтому живут, как живут, пока кто-нибудь их не сожрёт.— То есть вонючие птицы пожирают и вонючих падальщиков?— Именно.— А где ты вообще взял такое слово — «вонючий»?

Я не слышала, чтобы кто-то тебе его говорил. Я вздохнул. — Знаете, я ещё много других слов знаю. — И начал перечислять. Слова были не вполне печатные. Наставница вздохнула. — Вот эти слова лучше не произносить. Наверное, ты слышал их во время боя. В мирной жизни они неуместны. Да и вообще — неуместны. — Разве это не волшебные слова? Они не добавляют сил? — О нет. Не добавляют.

Подошла сестрёнка и дёрнула меня за хвост. Я развернулся и зашипел. — Да как ты можешь! — возмутилась она. — Ты наставнице говорил столько слов, а я таких и не слышала! Если я начну их повторять, она меня поругает. А тебя почему не ругает? — Потому что я их не использую, а только спрашиваю. Спрашивать можно, говорить — нельзя. Сестрёнка вздохнула. — Вот всегда ты такой занудный. Мог бы просто объяснить, чтобы я поняла. А теперь буду думать, и голова будет болеть. Нельзя было просто сказать: «это не те слова»? — Это не те слова, — сказал я. — Вот всегда ты так, — вздохнула она.

Прошёл примерно месяц. Старшие дракончики учились летать — они уже были побольше. Потом решил попробовать и я. Крылья слушались — вниз лететь получалось, а вот подняться вверх никак. Зато огонь выходил лучше, чем у всех. Я мог два, а то и три раза выдохнуть полный снап. Наставница умилялась: «Наконец у нас настоящий огнедышащий, а не так, как остальные».

Я понимал, что огонь драконы используют редко. Главное

оружие — зубы и когти. И всё же тренировался. Чувствовал, что первый огонь — слабый. Есть другой, который вспыхивал на долю секунды. Вот это был настоящий огонь. Первый оставлял на камнях копоть, второй — оплавлял.

Наконец у меня получился настоящий полёт. Не первым — нас уже трое умело летать. Долетали до края, в воздухе разворачивались и возвращались на уступ. Правда, наставница постоянно ругала меня за слишком частые взмахи. Я быстро уставал и приземлялся чуть ниже — там была ступенька. Отдыхал, карабкался обратно, пробовал снова. Чувствовал, что вот-вот получится. Но не получалось.

Остальные тоже пытались. Кто-то просто раскрывал крылья, кто-то бил ими так же часто, как я, — но крылья не поднимали, а только добавляли веса. Может, дело в технике: надо сначала выдвинуть их вперёд с подъёмом, потом резко опустить и оттолкнуть воздух. У других получалось иначе. Наставница говорила, что нет такого дракона, который не умел бы летать. Все научатся — рано или поздно. Я вздохнул: «Если, конечно, нас не съедят».

А потом я понял: драконы летают не столько крыльями, сколько тем, что живёт внутри. Я задействовал это — и почувствовал, что могу поддерживать парение. Взмахи стали реже, но мышцы уже натренировались, двигались сами. Ошибка была в том, что я полагался на механику, а нужно было на внутреннюю силу.

Я долетел до края, пролетел немного над пропастью, уви-

дел внизу драконьи кости и падальщиков — и вернулся. Сел на уступ. Подошла наставница.— Ну, наконец-то. Теперь ты почти настоящий дракон.«Только вырасти, — подумал я. — Теперь нужно только вырасти».

Сестрёнка всё никак не могла взлететь. Раз за разом падала или только планировала. И вот однажды что-то случилось: она взмахнула крыльями, перелетела край — и испугалась. Начала бить крыльями ещё чаще, не разворачиваясь. Она летела вниз. Почему не поворачивала? Я кинулся к краю, но не успел. Она закувыркалась и рухнула почти камнем — в самом конце успела чуть стабилизироваться. Снизу донёлся крик: сломала крыло. К ней уже двигались падальщики — один, второй, третий. Взрослые стояли и смотрели. Я не стал.

Я кинулся к ней. Один падальщик уже обнюхивал сестру. Она кричала от страха. То ли от ярости, то ли накопил достаточно — я выпустил тот самый разрушительный огонь, одним залпом. Падальщик заорал, дёрнулся и рухнул. Голова была прожжена до самого камня.

Я сел рядом. Сестрёнка плакала. Я не знал, как помочь. Впереди оставалось ещё двое — похожие на крупных ящериц, с загнутыми жёлтыми зубами. От них несло так, что мысль пришла сама собой: вот почему их называют вонючими. Или это я их так назвал?

Я поднатужился и ударил второго. Того огня хватило только слегка обжечь — внутренняя сила кончилась. Но падальщики отпрянули. Я сел рядом с сестрой, расправил ей

сломанное крыло и начал утешать:— Ты будешь летать ещё лучше меня. Ты такая ловкая, такая смелая. Крыло заживёт, и мы полетим обратно.

Третий падальщик снова двинулся к нам. Я выпустил обычный огонь — он зашипел, отпрыгнул. И снова почувствовал, что сил больше нет. Сестрёнка сквозь слёзы говорила, чтобы я улетал: её сейчас съедят, а так съедят нас обоих. Я попытался остатками силы воздействовать на её крыло. Кажется, получилось. Она перестала плакать от боли — теперь плакала от отчаяния.

Я подошёл к первому убитому падальщику и оторвал кусок. Пасть воняет, но лапы вполне съедобные. Одну притащил сестрёнке, вторую съел сам. Второй, обожжённый, обошёл нас и вгрызся в требуху убитого сородича — столько мяса сразу, а драконами давно не пахнет, мелочью сыт не будешь. Третий покрутился, получил ещё один огненный плевок и остановился поодаль.

Я отъел ещё кусок, отнёс сестрёнке. Та доела и попросила ещё — регенерация уже шла. Я подошёл, пихнул ближайшего падальщика, оторвал кусок, принёс. Тот не возмутился: был сыт, ярость улеглась.

Неожиданно сверху слетел крупный дракон. Это была мама.— Ну наконец-то пришла! — обрадовался я. — Смотри, сколько еды! Дракониha спустилась, откусила кусок — было видно, что пища ей не по вкусу. Она схватила нас обоих и поднялась вверх. Сестрёнка пискнула — крыло ещё болело,

а мать задела его.

На уступе большие драконы расступились. Подошла одна из старых дракониц. Сестрёнку пастью отправила в детскую, а ко мне обернулась:— Ты либо погибнешь одним из первых, либо станешь отличным вожаком нового гнезда, малыш. А теперь иди к детям. Есть кое-что, что тебе надо услышать. Я отправился в детскую. Наставница подозвала нас обоих: сестрёнку с крылом, которое всё ещё волочилось, и меня.— Когда умирает один, незачем умирать второму, — сказала она. — Ты поступил безрассудно. Но знаешь... я слышала такое: победителей не судят. Ты наелся сам, накормил и защитил другого дракона. Такое бывает, но не в таком возрасте. Больше так не рискуй. Мы видели, на что ты способен. Ты должен дожить — и дать бой и горгульям, и тем, о ком ты пока не знаешь. Береги себя. — Она посмотрела на сестрёнку. — А ты или думай головой, или делай как все. И перестань бояться. — Последнее она рявкнула.

Иерархии среди маленьких драконов не было. Младшие просто уступали дорогу старшим — и в еде тоже. Но сыты были все: взрослые могли недоедать, зато дракончиков кормили хорошо. Знали, что это будущие матери и будущие защитники.

Потом снова отступление. Даже удалось поучаствовать в отражении атаки — хотя вышло случайно. Никто не заметил, как ещё в предрассветных сумерках птицы начали налёт. Я сидел на краю уступа, завернувшись в крыло, и дре-

мал. Вдруг услышал шорох — не драконьи перепонки, а птичьи перья. Открыл глаза и увидел, что на меня летит птица. С испугу выдохнул обычное пламя. Птица заорала, перья занялись огнём — и всполошились все вокруг. Потом ещё дважды бил огнем, но наверное ни куда не попал, даже по своим.

Как выяснилось, драконы ночью видят в сером, но плохо, а вот птицы в сумерках — лучше. Это было на руку налётчикам. Но они промахнулись с расчётом: вся стая оказалась на месте. Если раньше птицы нападали впятером-восьмером на одного дракона, то теперь силы были равны. Им пришлось отступить. Но драконы забеспокоились: их снова нашли, снова придётся менять гнездо.

Пока все собирались, я подошёл к наставнице.— Почему мы отступаем? Почему не навалимся и не уничтожим их?— Понимаешь, — вздохнула она, — они всеядны. Там, где они прошли, не остаётся ничего живого — абсолютно ничего. Потом, через время, начинает пробиваться трава. Но мясо для них лучше: мясо, жир, хрящи — переваривают всё, набирают силу быстро. И птенцы их тоже. На траве они замедляются.— То есть, если лишить их мяса, они ослабнут?— Не ослабнут — замедлятся. Их птенцы будут развиваться медленнее. Но никуда не денутся.— Откуда они вообще взялись?— С другого материка. Вначале была небольшая стая, их почти перебили. Они спрятались, размножились, начали нападать группами. Сначала на одиночных драконов, потом осмелели — на целые гнёзда. Мы упустили момент. Их

слишком много, наступать мы не можем.

— Но ведь мы не можем отступить вечно.

— За нами целый материк.— Возможно, когда-нибудь соберёмся с силами. Но пока вожаки не решили этот вопрос. Мы разобщены.«М-да», — подумал я. — В конце концов, будешь отступать и отступать — упрёшься в океан. А потом отступать будет некуда. И давать бой бессмысленно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.